

В-третьих, выявилась установка Оргкомитета съезда на то, чтобы дать высказаться лишь представителям народов Севера. Многие специалисты, ученые, десятилетиями занимавшиеся изучением северных проблем либо имеющие большой опыт практической работы, но не принадлежащие к числу народов Севера, несмотря на желание, слова не получили. На мой взгляд, это понятно и естественно для первого Съезда малочисленных народов Севера. Однако не хотелось бы, чтобы и в дальнейшем это игнорирование продолжалось. Условия избежать этого, есть: согласно Уставу ассоциации, ее членом может быть не только представитель малочисленных народов Севера, но и другой национальности. В Декларации съезда сказано, что при ассоциации возможно открытие «секций патриотов и старожилов Севера».

Думаю, что Совет ассоциации будет достаточно широко контактировать со всеми, кого волнует судьба народов Севера, кто может хоть чем-то помочь им обрести себя в нашей многонациональной стране.

Пожелаем же созданной Ассоциации малочисленных народов Севера, ее Совету успехов и плодотворной творческой деятельности на благо народов Севера.

З. П. Соколова

Примечания

¹ Термин «малочисленные народы Севера» был впервые употреблен М. С. Горбачевым во время его пребывания в Мурманске (октябрь 1987 г.) и закреплён в Платформе КПСС «Национальная политика партии в современных условиях» (Известия. 1989. 24 сент.). С этого времени он широко используется в массовой прессе, правительственных документах, в выступлениях представителей народов Севера, вытеснив термин «малые народы Севера», который хотя и был научно обоснован в 1920-е годы, в последнее время почему-то стал восприниматься представителями самих народов Севера как обидный. Термин «большие народы» никогда не был в употреблении, и поэтому термину «малые народы Севера» не существовало противопоставления.

² Известия. 1989. 24 сент.

³ Например, в мае 1988 г. в Ленинграде на Всесоюзном совещании «Актуальные гуманитарные проблемы сибиреведения» (Сов. этнография. 1989. № 6.— статья Ч. М. Таксами и З. П. Соколовой).

⁴ Таксами Ч., Косарев В. Там, где прошел временщик // Лит. газ. 1986. 17 сент.; Вонсовский С. В. Северный акцент // Сов. Россия. 1987. 18 окт.

⁵ Из выступления В. М. Санги на Съезде малочисленных народов Севера.

⁶ См. например, статьи инструктора Отдела культуры ЦК КПСС А. Филина «Кальма просит защиты» (Сов. культура. 1988. 27 окт.) и «Кальма будет жить» (там же. 1989. 18 нояб.).

⁷ См., например, Шишов А. Без северного сияния // Сов. культура. 1988. 26 июля; Шаров В. Мала ли земля для малых народов? // Лит. газ. 1988. 17 авг.; Санги В. Отчуждение // Сов. Россия. 1988. 11 сент.; Комаров В. У народностей Севера // Сел. жизнь. 1988. 27 окт.; Пика А., Прохоров Б. Большие проблемы малых народов // Коммунист. 1988. № 16; Деревянко А., Убрятова Е., Черемисина М. Пока не поздно // Правда. 1988. 24 дек.

⁸ См., например: На переломе // Сов. культура. 1989. 11 февр.; Санги В. Чтобы крона не оголилась // Лит. газ. 1989. 15 февр.; Таксами Ч. Люди у кромок земли // Правда. 1989. 2 марта; Иоффе Г. Север без романтики // Неделя. 1989. 13 марта; Бриман М. Идущие через вьюгу // Сов. культура. 1989. 28 марта; Родом с Севера // Сов. Россия. 1989. 31 марта; Бородин О., Шинкарев Я. Дайте слово юкагиру // Известия. 1989. 7 апр.; Хоть потоп? // Лит. Россия. 1989. 16 июня; Заговорил Север // Сов. Россия. 1989. 18 июня; Шинкарев Л. Тундра // Известия. 1989. 15 июня; Ямал: чем велик и чем мал // Сов. культура. 1989. 7 окт.; Мост через Арктику // там же. 1989. 9 дек.; Шпаро Д. Экспедиция Берингов мост. На край света // Сов. Россия. 1989. 14 нояб., а также его статьи от 15 и 23 нояб., 6 и 19 дек. того же года; и др.

⁹ Сов. Россия. 1990. 7, 29, 30, 31 марта и 1, 3 апр.; Известия. 1990. 30 марта; Аргументы и факты. 1990. 7—13 апр. № 14.

¹⁰ Сов. Россия, спец. выпуск. 1990. 30 марта.

© 1990 г.

КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ВОПРОСАМ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ЛИТОВЦЕВ

14 декабря 1989 г. в Вильнюсе Институтом АН ЛитССР была организована очередная конференция по итогам этнографических исследований, проведенных в 1988—1989 гг. в Литве, на которую были приглашены этнографы и музейные работники республики. Конференцию открыла А. Вильяускайте (Институт истории АН ЛитССР; далее — ИИ), которая представила собравшимся нового заведующего отделом этнографии института П. Кальнюса, ознакомившего присут-

ствующих с работой отдела и проблемами, требующими неотложного рассмотрения. В отделе продолжается изучение материальной культуры; организованы группы по исследованию семьи и семейных обычаев, а также развития обычаев сельской общины. П. Кальнюс отметил, что в силу существовавших до перестройки ограничений в области этнографических исследований, непрестижности профессии этнографа, отсутствия в республике ученого совета по защите соответствующих диссертаций и затрудненного доступа к иностранной литературе в отделе этнографии нет ни одного доктора наук, половина кандидатов наук пенсионного возраста, в Вильнюсском университете прекращена подготовка этнографов. По мнению докладчика, эти наиболее важные вопросы необходимо решить в ближайшем будущем.

Основная проблема конференции — культура этноса и социорегулятивная функция ее различных элементов. В докладе «Структура культуры этноса» Р. Меркене (ИИ) охарактеризовала культуру как совокупность исторически детерминированной сознательной духовной деятельности человечества и ее результатов, включая их материальные формы. Структура этноса, являясь ядром многоступенчатой структуры целостной культуры этноса, обуславливает развитие отдельных связанных между собой ее компонентов: структур жизнеобеспечения, социальных взаимоотношений, миропознания и самовыражения. Структуре культуры этноса свойственны самопередача, самосозидание и самоуничтожение элементов внутренних структур под воздействием сознания этноса как совокупности сознания всех его членов.

Ю. Кудирка (Научно-методический центр культуры Литовской ССР) в докладе «Социальное предназначение обычаев» отметил, что отдельные элементы обычаев объединяются в единое целое эстетическими средствами. Массовые стрессы приводят к возникновению новых направлений морального воспитания. Докладчик считает, что интенсивному процессу нивелирования обычаев следует противопоставить творческое использование локального наследия этнической культуры.

В. Мачекус (Вильнюсский ун-т) рассмотрел решения сельского схода: их принятие и выполнение. Докладчик подчеркнул, что в конце XIX — начале XX в. в Литве решения схода сельской общины не подлежали обжалованию. Сход управлял землепользованием, общественными работами, нормами поведения односельчан. В докладе были также охарактеризованы инициаторы сельских сходов и наказания, предусмотренные за невыполнение решений последних.

Два доклада были связаны с проблемой социализации молодежи. Р. Паукштите (ИИ) в докладе «Воспитание морали в обычаях молодежи конца XIX — первой половины XX в. в Литве», исходя из понятия морали как стремления человечества к счастью, выделила в ней личную, общинную и общечеловеческую сферы. Нормы поведения в повседневной жизни, по мнению докладчика, были тесно связаны с поверьями-запретами.

Доклад Ж. Шакинса (ИИ) «Формы общения молодежи Литвы в 20—40-е годы XX в.» охватил сложный период распада сельской общины, выхода крестьян на хутора и трансформации обычаев. В нем было выделено пять форм общения молодежи: 1) весенние и летние приходские молодежные танцы на природе после богослужения (*geguzinė*); 2) сходы молодежи ритуально-развлекательного характера в период свадьбы; 3) субботне-воскресные вечеринки развлекательного характера (*vakarėlis*); 4) летние и осенние вечеринки после толоки с угощением (*patalkys*); 5) будничные осенние и зимние вечеринки развлекательного характера с рукоделием (*vakaronė*).

О сути обрядов второй половины XIX — первой половины XX в. говорил В. Чюбринскас (Вильнюсский ун-т) в докладе «Структура и функция обрядности, связанной с традиционными крестьянскими постройками у литовцев: укладка закладного венца сруба». Докладчик выделил основные функции ритуальной структуры: 1) акцентирование начала строительных работ; 2) магическое обеспечение безопасности жилища от стихийных бедствий и всякой нечисти и благополучия их жильцам; 3) традиционное угощение строителей. В позднейшее время структура обряда деградировала. Ее функциональная основа сохранялась по меньшей мере до второй четверти XX в.

А. Рекашюс (ИИ) в докладе «Обрядовая милостыня в Литве» выделил три формы милостыни: будничную обыкновенную, праздничную улучшенную и обрядовую. Докладчик считает, что милостыня, подаваемая на Рождество, Успение Богоматери (*Zolinė*) (15 августа), в День поминовения усопших (2 ноября) и во время поминок — это реликт дохристианских обрядов.

Обрядовая структура карнаваловых шествий (время, состав и численность участников, их действия в усадьбе и за ее пределами, реакция хозяина усадьбы) проанализирована в докладе А. Вайцекаускаса (ИИ) «Гулянье ряженых в Северной Литве». Докладчик отметил, что в 10—30-е годы XX в. этот обычай претерпел значительные изменения. По его предположению, в прошлом гулянье ряженых было частью земледельческих обрядов, но имело и развлекательную функцию.

Материальные формы культуры литовцев, связанные с духовной сферой, были представлены в трех докладах. Р. Гузявичюте (ИИ), рассмотрев характерные черты одежды литовских дворян в 1831—1863 гг., сделала вывод, что в период между двумя литовско-польскими восстаниями против Российской Империи состоятельные люди отдавали предпочтение «патриотическому костюму», в котором сохранялись элементы исторического костюма времен до раздела Речи Посполитой. Черный цвет использовался как выражение траура по погибшим повстанцам, а поясные пряжки с изображением витязя или одноглавого орла — гербов Великого Княжества Литовского и Польши — как стремление к независимости.

А. Чепайтене (ИИ) обратила внимание на недостаточную изученность орудий прядения. В докладе «Еще раз о прядении на веретене» она, привлекая сравнительный материал, проанализировала известные по археологическим и музейным этнографическим данным веретена Литвы и охарактеризовала два способа прядения на них. В XIX—XX вв. преобладало прядение правой рукой, и, по мнению А. Чепайтене, нить скручивалась по часовой стрелке, противоположное же направле-

ние скручивания и полученная в этом случае нить воспринимались как сакральные, обладающие магической силой.

В. Миллюс (ИИ) охарактеризовал современные жилые дома и их интерьеры, а также пищу, свадебные обряды, кладбища литовских эмигрантов послевоенного периода, поселившихся на восточном побережье США. Докладчик пришел к выводу, что жилые дома, их обстановка и пища у литовцев те же, что и у англоязычных американцев. Литовские национальные черты проявляются лишь в отдельных элементах декора интерьера и свадебных обрядов, а также в надписях и национальных мотивах орнаментов на надгробных памятниках. Литовские национальные черты наиболее выражены в общественной и культурной жизни, направленной на сохранение этнической самобытности.

Два докладчика коснулись этносоциологических проблем современности. Й. Мардоса (Вильнюс, пединститут) рассмотрел послевоенные преобразования систем сельских поселений в Литве, напомнив о длительном процессе распада деревень на хутора и образовании новоселий в результате земельной реформы Литовской республики (1922 г.). Докладчик подчеркнул, что в послевоенный период в связи с этнодемографическими изменениями и коллективизацией сельского хозяйства в Литве начался обратный процесс — строительство новых сельских поселков. Изменения в структуре расселения вызвали усиленную миграцию населения и распространение в центральных поселках обобщенных форм этнической культуры. Локальные ее черты в большей степени сохранились в так называемых неперспективных поселках и хуторах.

П. Кальнюс (ИИ), основываясь на результатах полевых исследований, проведенных в 1977—1989 гг. в городах Каунасе, Вильнюсе, Электренай и Шальчининкай, а также в Шальчининском, Швянчёнском, Зарасайском и Варенском районах, рассмотрел особенности формирования польского этнического меньшинства, влияние межэтнических браков на процесс этнической ассимиляции поляков в Литве. По мнению докладчика, ассимиляция поляков происходит более интенсивно, чем украинцев и белорусов, но менее интенсивно, чем русских. Кроме того, в силу объективных обстоятельств большая часть поляков Зарасайского, Шальчининского и Швянчёнского районов приобщается к русской культуре.

Во время дискуссии была выдвинута идея о создании общества этнографов и принято решение организовать секцию этнографов при Обществе истории Литвы. Участники конференции решили также обратиться к президиуму Академии наук ЛитССР, ректору Вильнюсского университета, в Министерство народного просвещения и Министерству культуры ЛитССР с предложением о воссоздании в Вильнюсском университете кафедры археологии и этнографии и создании специализированного ученого совета Вильнюсского университета и ученого совета Института истории АН ЛитССР с правом защиты кандидатских и докторских диссертаций по этнографии.

Р. Меркене, Я. Моркунене

© 1990 г.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В НОРВЕГИИ, ПОСВЯЩЕННАЯ 200-ЛЕТИЮ ГОРОДА ВАРДЁ

22—24 сентября 1989 г. в г. Вардё состоялась научная конференция «Северонорвежская прибрежная культура», посвященная исполнившемуся в этом году 200-летию этого пограничного города и морского порта. Ее организаторами были Тромсё-музей Университета в г. Тромсё и Вардё-музей (г. Вардё). Конференция проводилась в рамках традиционного «музейного семинара» повышения квалификации работников музеев Северной Норвегии. В работе конференции и семинара приняли участие представители 30 музеев из трех норвежских провинций — Нурланда, Тромсё и Финмарка. В качестве лекторов-докладчиков на конференцию были приглашены преподаватели Университета Тромсё и Архангельского государственного педагогического института имени М. В. Ломоносова.

Конференцию открыл мэр В а р д ё Т о р К у ф у д, приветствовавший ее участников. Рассказывая об истории и современных проблемах Вардё, Т. Куфуд обратил внимание на важное историческое положение Вардё как места контакта различных культур. Он также отметил важное значение установления отношений побратимства между Вардё и Архангельском как традиционными торговыми партнерами на севере Европы.

В первый день заседаний председательствовала Э. Боттенгорд — директор Тромсё-музея (г. Тромсё). С докладом «Северонорвежская прибрежная культура в исторической перспективе» выступила Р. Р. Б а л с в и к (Университет Тромсё). Она назвала три фактора, определившие специфику приспособления людей к жизни в полярной зоне: природу, духовный мир человека и материальную культуру (выделив в последней две культуры — социальную и политическую). Особое внимание докладчица уделила исследованию роли г. Вардё в историческом развитии северонорвежской береговой культуры. Рассматривая культурные процессы в контексте политической истории, Р. Р. Балсвик определила две основные функции г. Вардё — торгового морского поселения и пограничного пункта. Вардё, сочетавший традиционные функции европейского города — торговую и воен-